

Теплов Павел Федорович

**История якутского протеста.
Дело "романовцев"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Федорович Т.**
История якутского протеста. Дело "романовцев" / Теплов Павел Федорович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 513 с.

ISBN 978-5-519-76506-0

ISBN 978-5-519-76506-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*Вѣчной памяти безвременно-
погибшихъ товарищей - „Рома-
новцевъ“ Юрія Матлахова,
Владимира Бодневскаго и Ан-
тона Костюшко-Валюжанца.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	7
Глава I. Ссылка наканунѣ протеста.	9
» II. Организациа протеста, его характеръ и цѣли. . .	24
» III. «Романовка»	33
» IV. Бурные дни «Романовки» и конецъ протеста. . .	49
» V. Тюрьма и предварительное слѣдствіе	77
» VI. Обвинительный актъ.—Судебное слѣдствіе . . .	116
» VII. Рѣчи подсудимыхъ	164
» VIII. Рѣчи прокурора и защитниковъ	220
» IX. Послѣднее слово. Приговоръ суда. Особое мнѣніе.	286
» X. Апелляціа. Путь въ Александровскую тюрьму . .	326
» XI. Въ тюрьмахъ Александровска. Подкопъ и побѣгъ .	357
» XII. Пересмотръ дѣла въ судебной палатѣ. Новый приговоръ	367
» XIII. Кассациа приговора. Амнистіа	397
» XIV. Наши мертвецы:	
1) Юрій Матлаховъ	427
2) В. П. Бодневскій.	433
3) А. А. Костюшко-Валужаничъ	443
Приложенія:	
1) Циркуляръ Якутскаго губернатора полицеймейстеру и всѣмъ окружнымъ исправникамъ области	453
2) Предписаніе Якутскаго окружнаго исправника старшинамъ, инородческимъ управамъ и проч..	453
3) Офіціальныя «Статейныя списки» всѣхъ «романовцевъ».	454
4) Открытое письмо Якутскому губернатору	468
5) Заявленіе солидарности и привѣтствія участникамъ Якут- скаго протеста.	471
6) Новые циркуляры генералъ-губернатора Кутайсова	478

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Россіи еще царила предразсвѣтная тьма... Японцы дали намъ только первый урокъ на морѣ, по улицамъ городовъ шествовали «патріотическія» манифестаціи, а на страницахъ газетъ еще громко звучалъ шовинистическій тонъ. Фонъ-Плеве безмятежно душилъ еще лучшія проявленія общественной жизни, переполнялъ тюрьмы и наводнялъ ссылку «государственными преступниками», когда въ отдаленномъ углу сѣверо-восточной Сибири, въ глухомъ Якутскѣ, группа политическихъ ссыльныхъ рѣшила возвысить голосъ протеста, съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту человѣческаго достоинства революціонеровъ, нагло попираемаго господствующимъ режимомъ.

И слабый голосъ якутскихъ протестантовъ, какъ первая ласточка пробуждающейся весны, долетѣлъ на родину и даже за предѣлы Россіи. Этому не помѣшала многотысячная даль, этому способствовала гробовая тишина предъ бурей.

Съ тѣхъ поръ минуло два года—столѣтія. Надъ Россіей пронесся ураганъ революціи, вѣковые устои произвола и гнета потрясены до основанія, но еще не рухнули окончательно. Наша многострадальная родина пережила великія событія, рѣдко повторяющіяся въ исторіи народа, она стала незнаваемой, духовно-обновленной.

Но мрачныя силы отжившей свой вѣкъ, крѣпостнической Россіи все еще господствуютъ надъ страной. Въ борьбѣ за охрану своихъ привилегій враги трудящагося народа залили Россію кровью, устлали ее трупами.

Былъ моментъ, когда могло казаться, что позоръ административнаго произвола смытъ навсегда, что запираніе въ тюрьмы и ссылка «охраннымъ порядкомъ» уже отошли въ область преданій. Но временно торжествующая реакція еще усилила административный произволъ военной диктатурой, а положеніе усиленной охраны замѣнила для громадной части Россіи военнымъ положеніемъ и охраной чрезвычайной.

И снова тысячи, десятки тысячъ борцовъ за лучшее будущее, угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ въ небывалой еще степени, переполняютъ всѣ русскія тюрьмы и полицейскіе участки, наводняютъ опустѣвшую было Сибирь. «Торжество побѣдителей» вызываетъ усиленные издѣвательства надъ плѣнными, новыя репрессіи въ отношеніи къ политическимъ заключеннымъ и ссыльнымъ, поруганія ихъ человѣческаго достоинства.

Не даромъ массовыя голодовки политическихъ заключенныхъ не прекращаются въ русскихъ тюрьмахъ. Изъ рядовъ политическихъ каторжанъ слышатся вопли отчаянія и крики негодованія подъ вліяніемъ ужасовъ примѣняемаго къ нимъ теперь обще-уголовнаго режима. А если наводненіе отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири и Якутской области, если репрессіи въ отношеніи къ политическимъ ссыльнымъ не прекратятся очень скоро, то мы, навѣрное, будемъ свидѣтелями новаго отчаяннаго протеста военно-плѣнныхъ революціонеровъ на дальнемъ сѣверо-востокѣ Сибири—въ Якутскѣ, Верхоянскѣ и Колымскѣ. При такихъ условіяхъ исторія Якутскаго протеста 1904 года пріобрѣтаетъ злободневный интересъ. Она раскрываетъ какъ невыносимыя условія жизни политическихъ ссыльныхъ въ Якутской области, такъ и царящій въ отношеніи къ нимъ административный произволъ. Она является лучшимъ доказательствомъ необходимости, какъ можно скорѣе, немедля смытъ съ чела Россіи, возродившейся къ новой жизни, позорное клеймо административной ссылки.

I.

Ссылка наканунѣ протеста ¹⁾.

Въ стремленіи «задушить гидру революціи» наше самодержавное правительство употребляетъ два главныхъ средства: грубую силу и коварство, традиціонные «волчій ротъ» и «лисій хвостъ». Новѣйшими олицетвореніями этихъ двухъ системъ «искорененія крамолы» являются Плеве и Зубатовъ. «Плевизмъ» въ исторіи русскаго освободительнаго движенія будетъ отмѣченъ новыми висѣлицами, возстановленіемъ каторги, арестантскихъ ротъ и вѣчнаго поселенія для враговъ существующаго порядка, звѣрскими истязаніями «бунтовщиковъ»—крестьянъ и рабочихъ, массовыми сѣченіями политическихъ демонстрантовъ и жестокими избіеніями заключенныхъ въ тюрьмахъ революціонеровъ.

«Зубатовщина», понимаемая въ широкомъ общественномъ смыслѣ ²⁾, является правительственной системой политическаго развращенія безсознательныхъ массъ рабочихъ и крестьянъ, а также политически мало сознатель-

¹⁾ Мы оставляемъ безъ измѣненія это введеніе, написанное еще въ Якутской тюрьмѣ, до суда, въ мартѣ 1904 года.

²⁾ И до Зубатова были носители той-же системы. Назовемъ хотябы Судейкина или либеральствовавшаго героя «диктатуры сердца»—Лорисъ-Меликова.

ной, неустойчивой въ своихъ убѣжденіяхъ части интеллигенціи. Она проявляется въ самыхъ различныхъ формахъ. На ряду съ попытками «легализаціи» рабочаго движенія, жандармско-полицейскаго социализма дѣятелей зубатовской школы: Васильевыхъ, Сазоновыхъ, Фриче и Треповыхъ, мы съ грустью наблюдали постыдныя сдѣлки кое-кого изъ арестованныхъ «политиковъ» съ Зубатовымъ и его агентами, при чемъ эти лже-революціонеры, цѣною измѣны рабочему дѣлу, покупали себѣ возможность легальнаго «дѣланія революціи» съ разрѣшенія подлежащаго начальства.

Эти зубатовскіе приемы облагодѣйствія и политическаго развращенія практиковались не только въ Россіи, но и въ далекой Сибири. До перехода къ «новому курсу», выдвинувшему на политическую арену Россіи гг. фонъ-Плеве, фонъ-Валя и ихъ ставленника—военнаго генераль-губернатора Восточной Сибири—графа Кутайсова, такая политика находила себѣ умѣлыхъ исполнителей въ Сибири, гдѣ въ отношеніи къ политическимъ ссыльнымъ господствовалъ такъ называемый «либеральный» режимъ.

Въ пути, по Сибирской желѣзной дорогѣ, по этапамъ и на Ленѣ, политическимъ ссыльнымъ безпрепятственно дозволялось видѣться съ товарищами изъ мѣстныхъ колоній ссыльныхъ «государственныхъ»; на мѣстахъ водворенія ихъ оставляли въ покоѣ отъ навязчивыхъ формъ шпионства, ежедневныхъ визитовъ «политическихъ надзирателей», требованія росписокъ и т. д.

Многимъ изъ политическихъ ссыльныхъ разрѣшалось офиціально избирать мѣстомъ водворенія даже Иркутскъ и Красноярскъ, не говоря уже о Якутскѣ. Еще большее число товарищей, будучи назначено по улусамъ, фактически жили мѣсяцами и даже годами въ городахъ, имѣли тамъ постоянный заработокъ, на что мѣстныя власти смотрѣли сквозь пальцы.

Въ 1900 году по инициативѣ олекминскихъ товарищей, подавшихъ жалобу въ Сенатъ, политическіе ссыльные Сибири добились отмѣны вопіющаго беззаконія: полицейскаго контроля и чтенія корреспонденціи всѣхъ находящихся подъ гласнымъ надзоромъ.

Въ 1901 году, рѣшеніемъ суда по дѣлу о самовольной отлучкѣ политическаго ссыльнаго въ Енисейской губерніи, были дозволены отлучки, безъ особаго разрѣшенія, въ предѣлахъ громаднхъ участковъ земскихъ засѣдателей.

На отлучки изъ улусовъ въ города разрѣшенія давались безпрепятственно по всякимъ поводамъ, а за самовольныя отлучки, въ большинствѣ случаевъ, никакихъ преслѣдованій не возбуждалось, и лишь изрѣдка виновныхъ тянули къ мировому судѣ, который, руководствуясь положеніемъ о гласномъ надзорѣ, присуждалъ къ денежному штрафу въ 1—5 рублей или аресту на пару дней. Особенно широко практиковались всѣ эти «вольности» за 11 лѣтъ губернаторства Скрипицына, посланнаго умиротворить политическую ссылку, возмущенную звѣрствами якутской бойни 1889 года и послѣдовавшаго за ней военно-окружнаго суда.

И надо признать, что либеральствующій помпадуръ выполнилъ свою миссію съ успѣхомъ. Онъ не только успокоилъ волненіе политической ссылки Якутской области, но ему и его не менѣе «либеральнымъ» клеветамъ въ родѣ исправника Кочаровскаго, полицеймейстера Зуева, совѣтника Попова и др., удалось въ значительной степени усыпить многихъ «политиковъ», примирить ихъ съ мягкимъ скрипицынскимъ режимомъ, приучить чувствовать себя въ ссылкѣ почти какъ дома, инвалидами на покой.

Скрипицынъ добился у правительства разрѣшенія на занятіе политическими ссыльными мѣстъ врачей, фельдшеровъ, завѣдывающихъ якутскимъ музеемъ, статистиковъ, архитекторовъ и т. д.

Этой политикѣ содѣйствовалъ тогда и иркутскій генералъ-губернаторъ Горемыкинъ, который заявлялъ, что политическіе ссыльные представляютъ элементъ, опасный въ Россіи, но чрезвычайно полезный для Восточной Сибири. Въ началѣ 1903 года, по инициативѣ Скрипицына, министерскимъ циркуляромъ была легализирована и педагогическая дѣятельность политическихъ ссыльныхъ Якутской области—репетиторство и домашнее обученіе. Всѣ предпріятыя за время губернаторства Скрипицына научныя экспедиціи и

командировки были организованы при участіи значительнаго количества политическихъ ссыльныхъ.

Этому «либералу» зубатовскаго пошиба удалось достигнуть большаго: своимъ либеральничаньемъ онъ успѣлъ привлечь нѣсколькихъ ссыльныхъ даже къ прямому сотрудничеству въ его «реформаторской» дѣятельности, направленной къ «упорядоченію» земельныхъ отношеній мѣстнаго инородческаго населенія—якутовъ и тунгусовъ—съ чисто фискальными цѣлями. Эти «прирученные» экземпляры изъ бывшихъ ссыльныхъ ратовали за усиленіе административно-полицейскаго произвола въ дѣлахъ якутскаго землевладѣнія, воскурjali въ своихъ «трудахъ» и журнальныхъ статьяхъ густые фиміамы просвѣщенному администратору и благодѣтелю края Скрипицыну, внесшему свѣтъ и культуру въ Якутскую область, и т. д.

Такъ, путемъ либеральныхъ заигрываній и побряжекъ, Скрипицыну удалось не только замѣтно умиротворить политическую ссылку, понизить революціонность ея настроенія, но и вполне «приручить» нѣкоторую, къ счастью ничтожную, часть бывшихъ «политиковъ». Этому въ громадной степени содѣйствовало полное затишье революціоннаго движенія на родинѣ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ.

Въ ссылкѣ водворилась мертвечина, отсутствіе живого интереса къ революціонной борьбѣ въ самой Россіи. Новыхъ ссыльныхъ присылали рѣдко. Связи порвались, нелегальная литература почти не доходила, да и слабо заботились о ея полученіи; взаимодѣйствіе между «волей» и ссылкой прекратилось, побѣги являлись рѣдкими, единичными исключеніями, не замѣчалось и слѣда протестующаго, боевого настроенія.

Но вотъ могучая волна быстро развивающагося съ половины 90-хъ годовъ, рабочаго соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи къ началу XX-го вѣка докатилась и до Восточной Сибири.

Политическая ссылка начала быстро измѣнять свою фیزیономію какъ идейно, такъ и въ отношеніи личнаго состава. Тѣ «старожилы», которые чувствовали себя на положеніи инвалидовъ, все больше затирались и отступали